Среди до сих пор не печатавшихся писем Марии Николаевны Ермоловой привлекательны послания к нескольким адресатам: давним друзьям актрисы, почитателям и соратникам — актерам петербургского Александринского театра Владимиру Николаевичу Давыдову и Юрию Васильевичу Корвин-Круковскому, писательнице и подруге дочери Ермоловой Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник, а также доктору медицины Леониду Валентиновичу Средину и его жене Софье Петровне.

Ермолова познакомилась с семьей Срединых летом 1898 года в Крыму, где отдыхала вместе с дочерью Маргаритой. Л.В.Средин, хирург, выпускник Московского университета, с женой и двумя детьми Зиной и Анатолием с 1891 года жил в Ялте из-за тяжелого заболевания туберкулезом. Радушный дом Срединых притягивал на свою "террасу" литераторов, художников, музыкантов, волею случая оказавшихся в Крыму. Здесь бывали Чехов, Горький, Нестеров, Левитан, Шаляпин.

Со Срединым, человеком необычайных душевных качеств, Мария Николаевна сблизилась, как редко с кем в жизни. Их дружба началась сразу и стала одним из самых счастливых событий в жизни артистки. Очарованная мягким обаянием Средина, его доброжелательностью и благородством, Ермолова чувствовала себя рядом с ним свободно и легко, и с годами все больше нуждалась в его поддержке и понимании.

После смерти Леонида Валентиновича в 1909 году Ермолова всячески помогала его жене, подбадривала ее и поддерживала, в особенности, когда Софья Петровна с детьми решила перебраться в Москву. Их многолетние дружеские отношения отразились в переписке, длившейся до того момента, когда болезнь Ермоловой еще позволяла артистке писать и отвечать на письма.

Мария Ермолова: "Я смертельно устала и от сцены, и от жизни"

Л.В.Средину
[3 мая 1901 г.]

Дорогой Леонид Валентинович, в вашем письме одно только утешительно, что вы меня не забыли. Да, год для вас, – хуже, кажется, не надо. Для меня он тоже был очень тяжелый, и сейчас мне очень скверно, оттого так редко и писала вам. Вы знаете, как я люблю жизнь, как я всегда надеюсь, что все горе пройдет, а тут такие тучи нависли, что уже и не знаю, на что надеяться. Относительно здоровья, мне гораздо лучше, только вся я раскисла. Куда я поеду, сама не знаю. Вернее всего, что сейчас в деревню, а после [не разборч.] за границу, но все это для меня еще не ясно. Да, вам досталось этот год, нечего сказать, всячески измучились, и за себя, и за близких, и за друзей. Что Горького арестовали – это не удивительно, ведь он... А знаете ли, мне пришло в голову, что письма теперь все читают, а потому лучше про это не болтать. Увидимся когда-нибудь. Бедная милая Софья Петровна, до чего мне ее было жаль. Судьба просто взбесилась нынешний год, за что она на нее-то набросилась. Но ведь теперь все получше, не правда ли? Ну давайте вместе надеяться, авось Бог милостив, вот солнце проглянет и получше станет глядеть на мир Божий. Но что за время мы переживаем? Вы вот на меня нападаете за вашего Ибсена, Гауптмана, Чехова и так далее, а они очень виноваты в болезнях нашего века, они из всех поддерживают в обществе истерию, неврастению и прочие удовольствия! У нас теперь все матери и отцы с ума сходят, какие-то негодяи колют девочек иголками, и до сих пор их не могут поймать!!! Это что-то до такой степени безобразное, что кажется снова мы вернулись к средним векам, и так все теперь. Полная распущенность во всем, убийства, грабежи, преступления небывалые, устоев никаких, все нарушилось. Да так и должно быть. Женщины у нас больше не хотят быть женщинами, заниматься семьей. И это один из главных мотивов всеобщего шатания. А некоторые мужчины, похожие на баб, поддерживают их и толкают в этом направлении. Строят женские университеты, а сумасшедших и всяких больных девать некуда, и поэтому им предоставлено право делать, что им угодно! Да, милое время, нечего сказать. Но не все уж так скверно! Кажется, со стороны университета начинается маленькое просветление! Очень бы я хотела не только во сне явиться к вам, не знаю. Крепко целую дорогую Софью Петровну и обнимаю вас. Будьте здоровы и не теряйте ни бодрости, ни надежды на лучшее будущее. Надо верить, во что бы то ни стало! Как был прав Вольтер, говоря, что если бы не было Бога, надо бы было его выдумать.

Мой привет всем вашим и Ярцевым.

М. Ермолова.

С.П.Срединой
[18 ноября 1901 г.]

Дорогая Софья Петровна, спасибо, голубчик, что вы меня не забыли. Я так обрадовалась вашему письму. Я только с нынешнего дня начинаю вздыхать свободно, зная, что целый месяц у меня не будет репетиций. С конца августа я точно попала в какой-то котел, где и кипела все это время. Я говорю про театр. Вы знаете, что я мало играю, нет, я много играю, а так как у нас теперь очень тщательно ставят пьесы, то все время приходится проводить на репетициях и старых, и новых пьес. Измучилась я и устала до невозможности, а толку мало. На Малый театр легло проклятие! Хорошего вообще мало. Но я до некоторой степени рада, что так много работаю, меньше думаешь! Как я рада, что у вас там на милой террасе, по-видимому, недурно. Так живо, представляю всех вас. Только жаль, что брат Леонида Валентиновича не совсем здоров. Сегодня вернулась домой и узнала, что у нас была Надежда Ивановна[1], беседовала с Маничкой[2], меня не застала. Весела, оживлена и Маничка говорит помолодела! Теперь вам там не скучно, два светила уже в Крыму, а третья ожидается (хотя грешно, конечно, сравнивать их вместе, старичок куда их выше!). Неужто еще не познакомились? Вот приедет Горький и все перезнакомитесь. Скажите Леониду Валентиновичу, чтобы, **несмотря ни на что**, меня не забывал. Я все тоже. Крепко целую, дорогая, и вашего мужа, и детей. Не забывайте.

М. Ермолова.

С.П.Срединой
[19 марта 1902 г.]

Мне стыдно даже за перо взяться, чтоб писать вам, дорогая моя Софья Петровна, но будьте снисходительны. После разных перипетий и волнений я только теперь начинаю приходить в себя. Все это мало интересно, хаос, сутолока и работа через силу. Пока больше ничего! Но вот что главное, поправился ли Леонид Валентинович, больше всего мне это хотелось бы узнать. Я так верю в целебную силу Крыма, что уверена в том, что он поправится или на дороге к выздоровлению. Уж очень у вас тоже жизнь переполнена разными волнениями и беспокойством, если не за себя, так за других, и ничего с вами нельзя поделать, уж очень в вас много внутренней жизни. Да и вообще, милая Софья Петровна, вся наша русская жизнь кругом начинает волноваться, как ваше чудное море (которое вам до смерти надоело). Когда получите это письмо, голубушка, только два словечка, лучше ли Леониду Валентиновичу? Не надо ли прислать ему каких-нибудь книг, нот, я была бы так рада что-нибудь сделать, чтобы доставить ему хоть минуту удовольствия. Наши Зеленины[3], слава Богу, пока живут хорошо, и то большое утешение для меня. Хотели они поехать в Крым на месяц, да мальчишке доктор не велел. Что будет летом, по обыкновению не знаю, знаю только, что надо где-нибудь и как-нибудь добыть сил для будущего года. Пока до свиданья, дорогая моя, крепко вас целую, и самое горячее желание видеть вас всех здоровыми и счастливыми. Напишите, если можно, что я вас прошу.

Ваша М. Ермолова.

С.П.Срединой
[16 сентября 1902 г.]

Дорогая Софья Петровна, крепко вас целую и поздравляю с ангелом! Боже, как я давно ничего не слыхала о вас, я очень соскучилась, и если вы еще меня "помните", буду ждать известий. Что Леонид Валентинович. Хоть и глупо повторять одно и то же, но не могу удержаться, чтобы не сказать: как бы мне хотелось к вам, посмотреть на вас и на море с вашей террасы.

Сколько времени прошло. Вы помните, 3 года тому назад мы все были в Алупке на Фрейтюде и Н.И.Тимковский (между прочим, он женился), находясь в пессимистическом настроении, изрек: "А вот пройдет года два, и все разбегутся в разные стороны". Я с ним тогда спорила, а он был прав отчасти, только отчасти. Мы действительно разбежались, то есть не вы, потому что вы все на своем месте, а я! Но несмотря на этот "разбег", я люблю вас по-прежнему, потому и пишу.

Голубушка, напишите, когда будет время. Во-первых, чем занят Леонид Валентинович? Здоровы ли все? Что ваши старушки? И как вы сами себя чувствуете?

О себе кратко скажу: два года чувствовала себя отвратительно, изнемогала от слабости, по летам ездила на Балтийское море, и кажется, начинаю немного чувствовать себя лучше. Постарела. Жизнь кончается. Одно удовольствие теперь – это Маргаритин[4] Колюшка[5]. Это какой-то ангел, а не ребенок. А она, представьте, оказалась недурной матерью, он ее страшно любит, и она по-настоящему возится с ним. Вот вам и все. А теперь опять начался сезон, и завертелось колесо. Крепко вас целую, и буду ждать письма. Мой сердечный привет вашему мужу.

М. Ермолова.

С внуком Колей

С.П.Срединой
[19 мая 1903 г.]

Дорогая моя, Софья Петровна, не сердитесь, что так давно не писала, хоть и беспокоилась о вас все это время. Господи, как вы все, должно быть, измучились нынешний год со всеми болезнями, думаю и надеюсь, что у вас теперь с теплом все хорошо. Как бы мне хотелось, чтобы все вы были здоровы и счастливы.

Увидеться нынешним летом тоже, пожалуй, не придется. На июнь еду на дачу с Маргаритой, а позже или за границу или на Балтийское море. Для меня же нынешний год прошел лучше обыкновенного в смысле здоровья и театра. Пьеса Зудермана[6] напомнила и мне и публике былые времена, а я уже думала, что все кончено.

Увлеклась очень пьесой "На дне", а от игры прямо с ума сходила. Леониду Валентиновичу будет это приятно. По-прежнему и даже больше прежнего возмущаюсь Л.Андреевым, считаю его самым гнусным преступником нашего больного века. Вот все мои занятия за сезон. Людей никого не вижу и отвыкла от них, и не хочется никого. Одичала. Только вас и Леонида Валентиновича люблю по-прежнему. Передайте ему мой сердечный привет и горячее желание здоровья, и всем вам. Крепко целую вас, дорогая моя. Ваша всегда

М.Ермолова.

А как бы хотелось увидеть море с вашей террасы! Когда будет время, напишите.

С.П.Срединой
[23 января 1910 г.]

Дорогая Софья Петровна, спасибо вам за ваше милое письмо. Простите, что так долго не писала.

Я очень обрадовалась, когда вы мне написали, мне так хотелось знать, как вы живете. Очень рада, что собираетесь в марте в Москву. Надеюсь увидеть вас у себя. А может быть, и совсем останетесь в Москве?

Дорогая моя, вам только нужно теперь заботиться о себе, поправиться хорошо. После того, что вы пережили, да и здоровье ваше совсем расшаталось. Я живу теперь очень тихо, играю мало, сил нет, делаю, что могу. Прошлое все кончено. Теперь только и жажду одного, покоя, да не дают, все еще думают все, что я могу играть по-прежнему. Театр у нас поправился за последнее время. Много молодежи есть, талантливые женщины.

Ну вот, Бог даст, приедете и увидите все и всех. Маргарита как всегда: ни здорова, ни больна. Все мое утешение – это мой внук. Будьте здоровы. Дай вам Бог сил и здоровья. Крепко вас целую, не забывайте М. Ермолову.

С.П.Срединой
[1917 г.]

Дорогая Софья Петровна. Крепко вас целую и благодарю за память. Так же поздравляю вас и Зиночку с праздником.

События до того заслонили все и всех, что просто голова ничего не соображает! Милая моя, до какого времени мы дожили! Жаль, что недожил Леонид Валентинович, он был бы, наверное, рад.

Я вся изволновалась, и вследствие этого, вся развалилась. Трудно и тяжело в эти годы. Переживать все это сил уже нет. Нигде не бываю, почти никого не вижу, очень устаю. Хотя опять начинаю играть – с большим трудом, без дела еще хуже! Газеты, рассказы, разговоры, телефоны – могут с ума свести.

Как-то вы, моя дорогая, переживаете все это? Молодежь, наверное, в восторге? Да, наверное, у вас есть уже самая молодая молодежь, девочка или мальчик? Ничего не знаю.

Маргарита всю революцию наблюдала в Петрограде, выехать нельзя было. А что там было, ужас! У нас еще слава Богу! Ну, будем сидеть и ждать, что дальше будет, если Господу неугодно будет убрать нас подальше, чего желаю, впрочем, только себе!

Всю эту неделю я занята концертами и спектаклями. Как-нибудь потом, если вздумаете зайти, буду страшно рада. Только позвоните. Крепко целую вас и Зиночку. Привет Анатолию.

М.Ермолова.

С.П. Срединой
[сентябрь 1918 г.]

Дорогая моя, милая Софья Петровна, не сердитесь на меня, что не ответила на ваше милое письмо. Все время находилась в таком расслаблении, что ни писать, ни думать ни о чем не хочется. Спасибо вам, дорогая, за память, поздравляю и вас со вчерашним днем ангела. Дай вам Бог здоровья побольше и сил! Я все тоскую о своих, никакого известия[7]. И где они, не знаю. Это самое мучительное для меня, остальное все ничего, ем, сыта, сплю ничего, а сил очень мало стало. Но вам, конечно, еще тяжелей. Хоть ваши все с вами, и то слава Богу. Крепко вас целую и люблю по-прежнему, не забывайте меня. Сердечный привет Зиночке и Анатолию. Ну, будем терпеть, пока Бог не пошлет смерти. Александра Александровна[8] кланяется.

М. Ермолова.

С.П. Срединой
[Зима 1918/1919 гг.]

Голубушка моя, Софья Петровна, спасибо, дорогая, что вспомнили. Часто думаю написать вам, но то голодно, то холодно, то пера нет, то бумаги нет, а теперь изводит холод. Зябну целый день, а чтоб получить иногда заработок, еду куда-нибудь играть, например, в Введенский дом по морозу! Ну, да что говорить. Вам, я думаю, не легче живется, да еще болели целое лето. Все, все стонут, денег не хватает. Одно утешение – еще живем, значит так хочет Господь! Значит, так нужно. И ваши пока благополучны?

От своих ничего, вот уже четвертый месяц! И это самое ужасное из всех бедствий. Кого ни видишь, только и разговор – холод и голод! Дров у нас чуть-чуть, на маленькую печку, сидим с Александрой Александровной в двух комнатах. Если б не она, я бы с ума сошла. Ну, Господь с вами, берегите себя. Надо поправиться вам, и сберечь немного хоть силы.

Ах, спасибо, спасибо, что вспомнили! Вы редкий человек.

Дай вам Господь и вашим всякой радости и здоровья.

Ваша всегда М. Ермолова.

Срединой С.П.

[1919 г.]

Дорогая моя, милая Софья Петровна, целую всех крепко, от души благодарю за ваше милое письмо, и молю Бога, да пошлет вам и вашим сил и терпения! Насилу собралась вам написать. То концерты, спектакли, а потом лежу целые дни на диване от усталости, не могу пошевельнуться. Ах, дорогая моя, у вас горе, умер брат, у нас умер муж Анны Николаевны[9], единственная ее опора, ей очень плохо, но еще жива, хотя угасает понемногу. Просветления нет нигде. О своих не знаю даже, хоть живы ли они. Иногда приходишь в отчаяние, а потом в апатию, все, кажется, все равно, только забота о еде и заставляет постоянно тормошиться! Вам лучше только в том, что страдаете все вместе, а мне уж страшно жить. Но живу, значит так надо, так угодно Богу! Значит, вы все переболели, и Зиночка тоже. Ну, помоги вам Господь. Если доживем до тепла, то Бог даст и увидимся, а теперь ноги не ходят.

Крепко вас целую, мою хорошую, милую, и Зину, и Толю, и всем сердечный привет. Как счастлив Леонид Валентинович, что он в другом мире! Ну, Господь с вами!

Ваша всегда М. Ермолова.

С.П.Срединой
[1919-20 гг.]

Дорогая Софья Петровна, поздравляю с прошедшим праздником. Простите, голубушка, что так долго не отвечала вам. С этими волнениями забудешь все на свете. Не жизнь, а кошмар. В последнее время очень много было всяких волнений, да и сейчас тоже. Живем и стонем, и мучаемся, хотя все еще, слава Богу, живы! А вы, милая моя, опять хворали? Но все-таки поправляетесь, слава Богу! Театр кончается, и как будет потеплей, хочется вас повидать. Я не знала о ваших переменах. И вам нелегко жить, сколько, я думаю, вы испытываете волнений. Так теперь все вместе живете, ну помоги вам всем Бог! Жалко Григория Федоровича[10], а в такое время, как сейчас, право лучше умереть. А впереди еще хуже, голод грозит. О лете нечего и думать, некуда деваться, хотя бы на время уехать, и то не знаю. Ну, Господь с вами, крепко вас целую, и Зиночку, и Толю. Одна надежда на Бога, может быть, он сжалится над нами! Будьте здоровы и бодры, дорогая моя, все-таки еще живем, стало быть так надо.

Любящая вас М. Ермолова.

М.Н. Ермолова – В.Н. Давыдову.
[1915]

Дорогой Владимир Николаевич. Если не лично, то позвольте мне сердцем и душой, присутствовать вместе с вами на вечере в память нашего дорогого товарища и великой артистки, Марии Гавриловны Савиной. Тень ее будет с вами. Я знаю, она не осудит меня за мое отсутствие, она знала все мои немощи, часто смеялась надо мной, что я сижу за печкой в то время, как я ее уговаривала не жечь свою жизнь, которая так нужна многим, а беречь себя. Она, конечно, не слушала и сгорела. Но в этом и был чудный подвиг ее жизни. Она была сильна духом, как никто, и оставила по себе вечную неизгладимую память, не только об артистке, но и о человеке.

После ее безвременной кончины, смерть всегда стоит перед моими глазами. Нет во мне духа Савиной. Я устала, смертельно устала и от сцены, и от жизни, а настоящее ужасное время разбило все нервы. Я боюсь пошевельнуться и знаю только дорогу в Малый театр и благотворительные концерты. Нигде не бываю, никого не вижу, да еще привязался бесконечный бронхит. Все это и удерживает меня на месте. Мне грустно будет, если близкие люди к Марье Гавриловне и мои товарищи будут сердиться на меня, но верьте, дорогой Владимир Николаевич, я не могла.

Дорогой, еще одно слово: помните, что вы "Последний из Могикан", и вы должны беречь себя, чтобы дать возможность людям дольше находить радость и отдых в вашем чудном таланте.

Да хранит вас Господь! Примите же мою любовь, сердечный привет и мою скорбь о дорогой незабвенной, великой артистке и человеке! Точно луч солнца погас! Не пишу Анатолию Евграфовичу[11], чтобы еще больше не огорчать его, прошу его не сердиться на меня в память "ея"!

Жму вашу руку, будьте здоровы. Не печатайте это письмо.

М.Ермолова.

М.Н.Ермолова – Ю.В.Корвин-Круковскому.
[6 декабря 1921 г.]

Дорогой Юрий Васильевич, вы глубоко тронули меня вашим вниманием. Вы мне напомнили мое прошлое, в котором "Мария Стюарт" была для меня всем, что составляло мою сценическую жизнь. Тогда еще работал и помогал мне Александр Иванович Урусов, добывал источники, приобретал вещи, но, конечно, это была работа не то, что ваша. Я горячо радуюсь на ваш грандиозный труд. Дорогой мой, с какой любовью вы творили эту великую и славную работу. Сердечно благодарю вас за ваше дорогое мне внимание, за посхвящение мне вашего труда. Горячее вам спасибо. Хотя мне и стыдно принимать на себя столько возвышенной любви и чувства.

Простите за мое долгое молчание. Сначала письмо ваше долго блуждало в Малом театре, потом я все болела и болела, даже сейчас еще не совсем в порядке. Нескончаемый бронхит после воспаления. Еще в театре не была ни разу. Может быть, недели через две. Снимки ваши страшно интересны, у нас тоже возобновляется "Мария Стюарт", и наши в театре набросились на них и пока, на время, конечно, они у Головина[12], одного из наших директоров.

Когда будете в Москве, заезжайте непременно. Еще раз благодарю вас за ваше письмо. Крепко жму вашу руку.

Мария Ермолова.

М.Н.Ермолова – Т.Л.Щепкиной-Куперник
[1914 г.]

Милая Татьяна Львовна, мне так хочется сказать вам от сердца несколько слов. Я так вам благодарна, что вы с такою лаской относитесь к Маргарите, согрели, осветили ее душу, я бы сама никогда не могла этого сделать, как это сделали вы. Она очень одинока, жизнь сложилась неудачно, и вдруг она нашла в вашем доме пробленск света, она сама говорит, что я попала точно в чистый источник! Чуткая, хорошая у вас душа.

Татьяна Львовна, я вас не знала прежде такой, а теперь и не знаю, как и выразить вам, как я тронута вашим сердечным отношением к ней и вниманием мужу, ко мне. И вы, и ваш муж, вы люди настоящие среди современного омута, в котором мы живем. Дай вам Бог навсегда сохранить ваше счастье и вашу чуткую душу! Крепко вас целую. Прошу передать сердечный привет вашему мужу.

М.Ермолова.

Примечания

[1] О ком идет речь, установить не удалось.

[2] Имеется в виду М.П.Шубинская, сестра мужа М.Н.Ермоловой.

[3] Семья дочери Ермоловой – М.Н.Шубинской (по мужу Зелениной).

[4] М.Н.Зеленина, дочь М.Н.Ермоловой.

[5] Н.В.Зеленин, внук М.Н.Ермоловой.

[6] Имеется в виду пьеса Г.Зудермана "Да здравствует жизнь!" (премьера состоялась в Малом театре 11 ноября 1902 года, Ермолова исполняла роль графини Беаты).

[7] В 1918 г. Ермолова оставалась в Москве практически одна. Ее близкие – муж Н.П.Шубинский, дочь М.Н.Зеленина вместе с сыном Колей и друзьями Т.Л.Щепкиной-Куперник и ее мужем Н.Б.Полыновым покидают революционную Москву. В потоке беженцев они переправились на юг: Киев, Одесса, Крым... Из родных с Ермоловой остается лишь сестра мужа – М.П.Шубинская и преданная А.А.Угрюмова, на которую возложены заботы о хозяйстве.

[8] А.А.Угрюмова, близкий друг М.Н.Ермоловой.

[9] Вс.П.Шереметевский, муж А.Н.Шереметевской, младшей сестры М.Н.Ермоловой.

[10] О ком идет речь, установить не удалось.

[11] А.Е.Молчанов, муж М.Г.Савиной.

[12] С.А.Головин

В начале века

Публикация подготовлена Марией МАЛКИНОЙ